

≈ 38 мин

Статья была опубликована в июле 2015 г. на сайте журнала «[Monthly Review](#)».

Перевод выполнен И. Кончаковским под редакцией Д. Субботина. Перевод был опубликован в журнале «[Скепсис](#)».

Оглавление [скрыть](#)

1. Введение
2. Часть первая: Глобализация и империализм
 - 2.1. Глобализация производства и производителей
 - 2.2. «Глобальное регулирование трудовых ресурсов» — движущая сила глобализации производства
3. Часть вторая: Теории эксплуатации
 - 3.1. Теория зависимого развития и её критика
 - 3.2. Ленин и империализм
 - 3.3. «Капитал» Маркса и теория империализма
 - 3.4. «Третий способ увеличения прибавочной стоимости» *
4. Заключение

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация производства и его перемещение в страны с дешёвой рабочей силой является самым важным и мощным преобразованием неолиберальной эры. Его главной движущей силой является то, что экономисты называют «глобальным регулированием трудовых ресурсов»: попытки компаний в Европе, Северной Америке и Японии снизить издержки и увеличить прибыли путём замены дорогостоящего отечественного труда более дешёвым заграничным, что достигается либо через эмиграцию производства, либо через иммиграцию

рабочих. Снижение тарифов и снятие ограничений, мешающих свободному перетеканию капитала, стали стимулом для переноса производства в страны с дешёвой рабочей силой, в то время как милитаризация границ и возросший уровень ксенофобии произвели обратный эффект на миграцию рабочих — она не прекратилась полностью, но была замедлена, а за мигрантами закрепился статус людей второго сорта. В результате заводы свободно перемещаются через американо-мексиканскую границу и легко проникают сквозь стены европейской твердыни, как и произведённые на них товары, и владеющие ими капиталисты, однако у людей, работающих на этих предприятиях, подобная привилегия отсутствует. Это — карикатура на подлинную глобализацию, это мир без границ для всех и вся, кроме людей труда.

Глобальные различия в заработной плате, главным образом порождаемые ограничением на свободное передвижение рабочей силы, дают искажённое представление о глобальных различиях в уровне эксплуатации (проще говоря, в разнице между стоимостью, созданной рабочими, и тем, сколько они получают за свою работу). Перемещение производства на Юг означает, что прибыль компаний, расположенных в Европе, Северной Америке и Японии, стоимость всех финансовых активов, основанных на этой прибыли, а также уровень жизни граждан стали сильно зависеть от высокого уровня эксплуатации рабочих в так называемых развивающихся странах. Неолиберальная глобализация поэтому должна пониматься как *новая империалистическая стадия развития капитализма*, экономическую основу которой составляет эксплуатация южной рабочей силы северными капиталистами.

В первой части работы представлены результаты анализа глобального

перемещения производства в страны с дешёвой рабочей силой и определена его главная особенность — империалистическая сверхэксплуатация¹. Во второй сделана попытка объяснить эти процессы в рамках марксовой теории стоимости, сначала в свете дискуссии 1960–70-х годов между сторонниками теории зависимого развития и критиковавшими её «ортодоксальными» марксистами, затем с привлечением теории империализма В. И. Ленина и критического пересмотра «Капитала» Карла Маркса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИМПЕРИАЛИЗМ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Глобализация производства отражается в невероятном расширении власти и сферы влияния транснациональных корпораций, принадлежащих преимущественно капиталистам, проживающим в империалистических странах. По оценке ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию), *«около 80% мировой торговли ... связано с международными производственными сетями транснациональных корпораций»*, либо при помощи внутренних прямых иностранных инвестиций (ПИИ), либо по принципу «нестолкновения интересов», установленному между «ведущими компаниями» и их формально независимыми поставщиками².

Экспортно-ориентированная индустриализация (или, с северной точки зрения, делегирование производственных функций) является единственным вариантом для бедных стран, не имеющих достаточного количества природных ресурсов. Под её эгидой доля «развивающихся стран» в мировом экспорте промышленных

товаров возросла с 5 до почти 30% с середины 50-х до конца прошлого тысячелетия (см. график 1). А доля промышленных товаров в экспорте самого Юга утроилась в течение всего лишь примерно десятка лет, с начала 1990-х годов оставаясь на уровне более 60%. График 2 показывает эти впечатляющие изменения с точки зрения империалистических стран. В 1970 году лишь 10% промышленных товаров поставлялось туда из стран «третьего мира»; к концу же нулевых этот показатель увеличился в пять раз³.

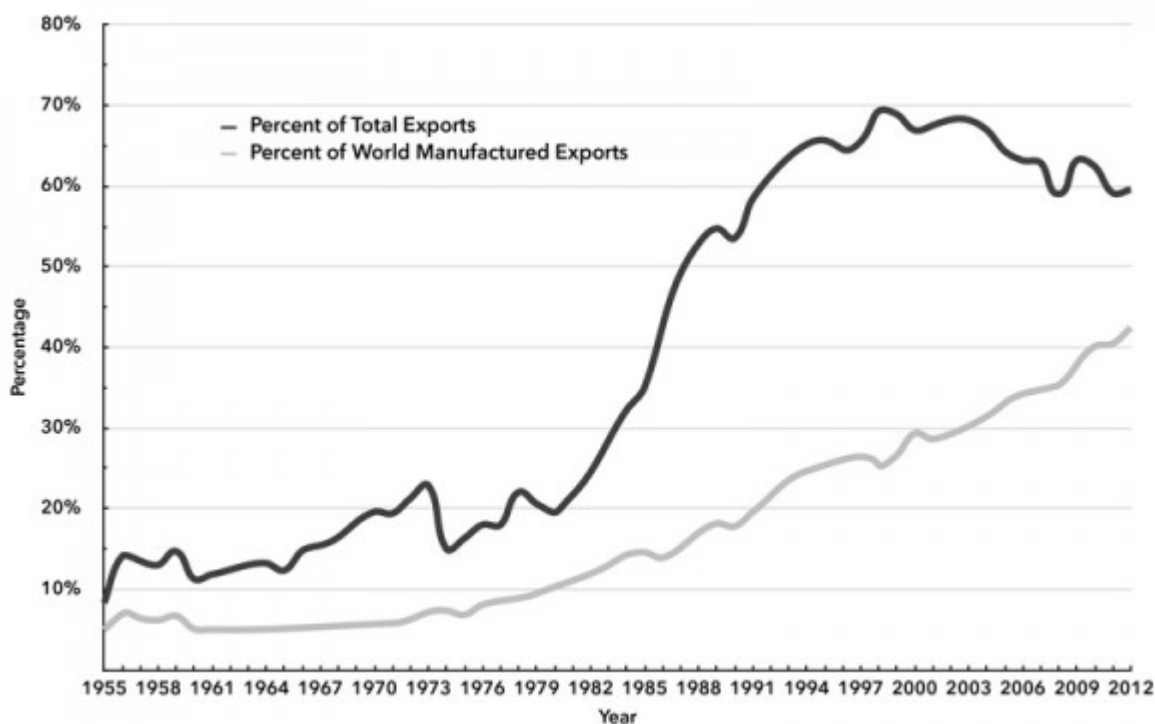

График 1. Доля «развивающихся стран» в мировом экспорте промышленных товаров

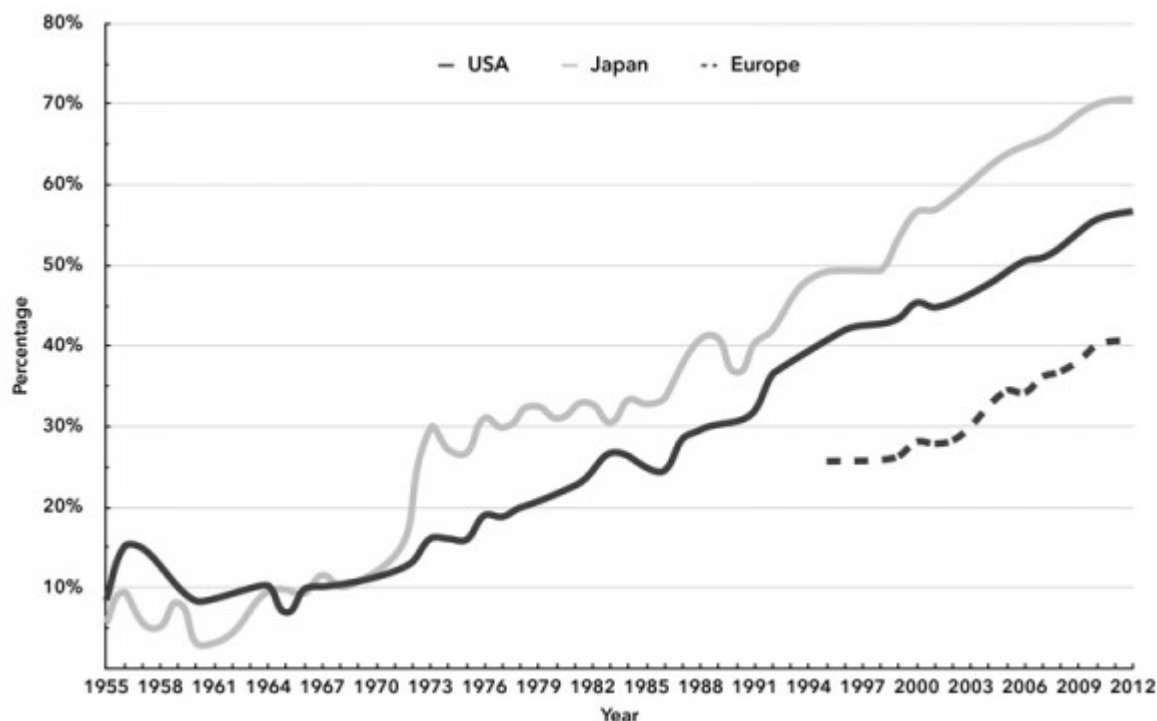

График 2. Доля промышленных товаров из «развивающихся стран» в общем импорте развитых стран⁴

Автомобильная промышленность США наглядно иллюстрирует эту тенденцию. В 1995 году импорт из Канады в 4 раза превышал импорт из Мексики. Через десять лет — лишь на 10%. К 2009 году мексиканской продукции ввозилось уже на 48% больше⁵. Перемещение процесса производства в страны с дешёвой рабочей силой было столь же важным для европейских и японских компаний, как и для их североамериканских конкурентов. Изучение торговли между ЕС и Китаем показало, что «перенос более трудоёмкого производства и процессов сборки в Китай помогает нашим компаниям выживать и развиваться в условиях всё более жёсткой конкуренции», а «японские производители электронных товаров продолжают процветать на американских рынках именно потому, что

перенесли свои сборочные конвейеры в Китай»^{6 7}.

В результате складывается весьма своеобразная картина мировой торговли, в которой одни северные фирмы конкурируют с другими, и успех зависит от способности сократить расходы за счёт переноса производства. Компании в странах с дешёвой рабочей силой также вступают в жёсткую гонку друг с другом, стремясь воспользоваться одним и тем же «сравнительным преимуществом», а именно избытком населения, отчаянно нуждающегося в работе. *Однако северные компании, как правило, не вступают в конкуренцию с южными⁸.* Этот простой и часто игнорируемый факт хорошо иллюстрирует отношения между главным предприятием и дочерними, находящимися в его полной собственности. Это справедливо и в случае быстро набирающего популярность принципа «нестолкновения интересов»: между маркой одежды «Primark» и её бангладешскими поставщиками, между «General Motors» и мексиканскими фирмами, производящими для неё всё больше и больше деталей, отношения скорее взаимодополняющие, чем конкурентные, даже при огромном различии в правах сторон. Конечно, существуют и важные исключения, а сама структура раздирается противоречиями, но общая картина ясна: существует соперничество Север-Север и жестокое соревнование Юг-Юг, принимающее форму гонки на износ, *однако прямая конкуренция между компаниями Севера и Юга отсутствует.* Между тем, работники сталкиваются с конкуренцией в виде глобального неравенства заработной платы, урезания выплат и ускоренного сокращения доли труда в ВВП всех стран.

Глобализация производства затронула не только производство товаров, но и социальные отношения, особенно определяющие для капитализма отношения

между трудом и капиталом. Теперь они всё больше принимают форму взаимодействия между северным капиталом и южным трудом. Огромный рост числа промышленных рабочих в «развивающихся странах» представлен на графике 3, который показывает, что в 2010 году 79% или 541 миллион промышленных рабочих всего мира проживали в «слаборазвитых регионах». Для сравнения, в 1950 и в 1980 годах их доля составляла 34% и 53% соответственно. В то время как всего 145 миллионов рабочих, или 21% от общего числа, приходились на империалистические страны в 2010 году.

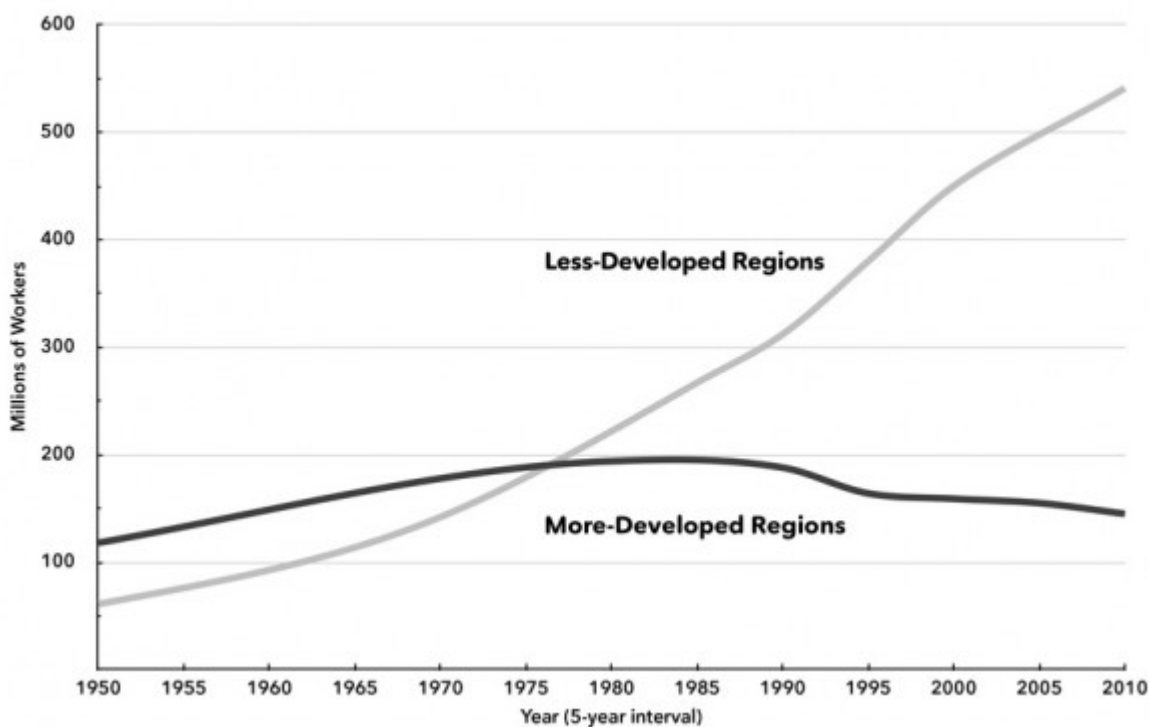

График 3. Мировое распределение рабочей силы, занятой в промышленности⁹

Однако, за исключением Китая, представляющего частный случай из-за политики «один ребёнок на семью», необычайно быстрого роста и ещё не

завершённого перехода от «социализма» к капитализму, ни одна южная экономика не выросла достаточно быстро, чтобы обеспечить рабочими местами многочисленную молодёжь, вступающую в трудовые отношения, и сельскохозяйственных работников, бегущих от сельской нищеты.

«ГЛОБАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ» — ДВИЖУЩАЯ СИЛА ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Отрывая сотни миллионов южных работников промышленности и сельского хозяйства от земли и работы в защищённых государством национальных отраслях, неолиберальный капитализм расширил применение сверхэксплуатируемого труда. Ограничение передвижения рабочей силы наряду с её переизбытком вылились в резкое увеличение глобального разрыва в заработной плате, который, согласно исследованиям Всемирного банка, *«на порядок превышает все остальные международные стоимостные различия»*¹⁰. Этот разрыв предоставляет северным капиталистам два способа увеличения прибыли — перенос производства в страны с дешёвой рабочей силой или иммиграцию рабочих из этих стран. Международный валютный фонд чётко сформулировал этот сценарий: *«Страны с развитой экономикой могут получить доступ к глобальному рынку труда через импорт или иммиграцию»,* — показательно отмечая, что *«торговля является более важным и быстро расширяющимся каналом, так как иммиграция во многих странах остаётся ограниченной»*¹¹.

То, что МВФ назвал *«доступом к глобальному рынку труда»*, другие окрестили

«глобальным регулированием трудовых ресурсов», главная черта коего, по словам Стивена Роуча, заключается в замене «высокооплачиваемых рабочих дома в той же степени квалифицированными, но низкооплачиваемыми рабочими за рубежом»¹². Роуч, в то время возглавлявший азиатский филиал холдинга «Morgan Stanley», утверждал, что «уникальное и мощное слияние трех тенденций обуславливает глобальное регулирование труда». Это «окончательное оформление практики переноса производств, электронные средства связи и контроль расходов»¹³. Из них «контроль расходов», то есть низкая заработная плата, — это «пусковое устройство, заставляющее глобальное регулирование функционировать». Развивая свою мысль, Роуч поясняет:

«В эпоху избыточного предложения компаниям как никогда раньше не хватает возможности увеличивать прибыль без фундаментальных капиталовложений. Поэтому они должны быть безжалостны в поисках новых средств повышения эффективности. Неудивительно, что главной целью их усилий должен являться труд, составляющий основную часть издержек производства в развитых странах.... Поэтому практика переноса производств, благодаря которой продукция создаётся руками относительно низкооплачиваемых рабочих в развивающихся странах, стала главной тактикой выживания компаний в странах развитых»¹⁴.

Это гораздо более яркое определение движущей силы неолиберальной глобализации, чем данное технократами из МВФ. Однако возникает вопрос, почему Роуч говорит «продукция создаётся» вместо «стоимость создаётся» — капиталисты, в конце концов, заинтересованы не в самом продукте труда, а в

содержащейся в нём стоимости. Ответ, как нам кажется, заключается в том, что слова о «создании стоимости» сделали бы более явным тот факт, что эти низкооплачиваемые рабочие создают гораздо больше богатства, чем получают в виде зарплаты, другими словами, что *они подвергаются эксплуатации* — еретическое понятие для традиционного экономиста. Из наблюдения Роуча выводится вопрос — как «компании в развитых странах» «извлекают продукт» из рабочих в Бангладеш, Китае, где бы то ни было? Их единственный вклад в итоговое сальдо компаний развитых стран — репатриированная прибыль от прямых иностранных инвестиций. Выходит, что независимые поставщики в Бангладеш или Мексике не приносят ни цента «H&M» или «General Motors»; всё выглядит как стоимость, добавленная их собственной деятельностью. Эта головоломка, необъяснимая для традиционной экономической теории и оттого игнорируемая, может быть решена только путём переопределения добавленной стоимости в качестве *присвоенной стоимости*. Другими словами, «добавленная стоимость» компании — это не то, что она произвела, а то, что она сумела присвоить путём неравноценного обмена, включая стоимость, извлекаемую из рабочей силы в отдалённых странах. Присвоенная стоимость не только не идентична добавленной стоимости, как говорит классическая теория, но и всякая взаимосвязь между ними отсутствует — банки, например, не создают стоимости вообще, а лишь присваивают её. И поскольку ВВП страны есть не что иное, как сумма добавленных стоимостей её компаний, статистика ВВП систематически уменьшает реальный вклад южных стран в глобальное богатство и преувеличивает значение «развитых» государств, тем самым скрывая всё более паразитические, эксплуататорские со стороны Севера, империалистические отношения между ними. Я называю это иллюзией ВВП¹⁵.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ТЕОРИИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТЕОРИЯ ЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ И ЕЁ КРИТИКА

Первой и последней настойчивой попыткой обосновать теорию империализма при помощи марксовской теории стоимости стали дебаты о зависимом развитии в 1960–70-х годах. Теория зависимого развития пыталась объяснить, почему империалистическая эксплуатация сохранилась после исчезновения территориальных империй. Её возникновение было вызвано антиколониальной и антиимпериалистической борьбой, охватившей страны Африки, Азии и Латинской Америки после Второй мировой войны.

Эта теория имела приверженцев среди людей разных взглядов: от социал-демократов и буржуазных националистов, таких как Аргирис Эммануэль и Фернанду Энрики Кардозу (впоследствии неолиберальный бразильский президент), которые хотели устранить препятствия на пути самостоятельного капиталистического развития Юга, — до марксистов вроде Самира Амина и Руя Мауру Марини, различными способами доказывавших, что капитализм, являясь империалистическим по своей природе, сам является преградой для развития этого региона. Были и те, кто вышел за рамки теоретической критики, чтобы вести революционную борьбу против империализма и его лакеев внутри зависимых стран — в первую очередь Фидель Кастро и Че Гевара,. Все эти реформисты и революционеры, несмотря на различие взглядов и методов, имели общую точку зрения по двум вопросам. Во-первых, «неэквивалентный обмен» между развитыми империалистическими странами и теми, что тогда составляли «третий мир» («вторым миром», как известно, именовались страны соцлагеря), приводит к крупномасштабному изъятию богатства у последних; а

во-вторых, возрастающие различия в размерах заработной платы и уровне жизни рабочих из империалистических и эксплуатируемых стран отражают огромные международные различия в степени эксплуатации (теоретический вклад Марини особенно важен в отношении второго тезиса).

Мысль о том, что поле битвы за социализм хоть временно, но всё же переместилось из империалистических стран в эксплуатируемые, вызвала сопротивление со стороны «ортодоксальных» марксистов Европы и Северной Америки. Они считали, что богатство, извлекаемое из стран периферии, имеет второстепенное значение, а также отрицали, что промышленные и сельскохозяйственные рабочие более интенсивно эксплуатируются на Юге, чем на Севере. Так, в дебатах с Самиром Амином в 1979 году Джон Уикс и Элизабет Дор утверждали, что *«поскольку в развитых капиталистических странах производительность труда выше, то разве не очевидно, что высокий уровень жизни рабочих идёт рука об руку с высокими ценами на товары, которые его опесочивают»*¹⁶. Шарль Беттельхейм был менее осторожен, утверждая в своей критике «Неэквивалентного обмена» Эммануэля, что *«чем больше развиты производительные силы, тем больше эксплуатируется пролетариат»*¹⁷. Найджел Харрис аналогичным образом утверждал, что *«при прочих равных условиях, чем выше продуктивность труда, тем выше зарплата у работника (поскольку и издержки воспроизводства рабочей силы выше), и тем больше он эксплуатируется, т. е. тем большая доля произведённого им продукта присваивается работодателем»*¹⁸.

Развитие и упадок теории зависимого развития пришлись на период, предшествующий неолиберальной эпохе, на время, когда «развивающиеся

страны» экспортировали сырьё и импортировали промышленные товары, и когда глобализация производства пребывала в зародышевом состоянии. По иронии судьбы, процесс созревания этого зародыша, а именно стремительное развитие ориентированных на экспорт промышленности Южной Кореи и Тайваня в 1970-х годах, частично объясняет, почему, по словам Гэри Хоу, «теория зависимого развития попала в затруднительное положение»: эти ранние примеры промышленных взлётов опровергали утверждение о том, что империалистическое господство препятствует экономическому развитию стран Юга¹⁹.

Тем не менее, теория зависимого развития остаётся важной вехой на пути создания теории современного империализма. Изменения, происходящие в неолиберальную эпоху, окончательно опровергают аргументы евромарксистов. Нельзя серьёзно утверждать, что глобальный перенос производства в страны с низкой заработной платой имеет второстепенное значение. Поэтому реакция евромарксистов заключается в полном игнорировании этих тенденций: пусть глобальные цепочки создания стоимости и производственные сети изучают буржуазные социологи. Между тем, их аргумент, заключающийся в том, что высокая производительность труда на Севере означает не только высокую заработную плату, но и высокую степень эксплуатации, опровергается общеизвестным фактом: товары, потребляемые рабочими на Севере, всё больше и больше производятся дешёвым трудом южных рабочих. Именно их производительность и их заработная плата существенно определяют уровень жизни и степень эксплуатации в империалистических странах.

Тем не менее, ряд подобных аргументов продолжает выдвигаться и по сей день.

Так, Алекс Каллиникос утверждает: *«критическая ошибка теории зависимого развития заключается в том, что она не учла важность высокой производительности труда в странах с развитой экономикой»*, а Джозеф Чунара считает, что *«огромное заблуждение — думать, будто работники в таких странах, как Индия или Китай, эксплуатируются больше, чем в США или Великобритании»*²⁰. Однако крайняя степень эксплуатации на швейных фабриках в Бангладеш, на китайских заводах и платиновых рудниках в Южной Африке — это явный и неоспоримый факт, с которым сотни миллионов рабочих сталкиваются ежедневно. *«Коммунизм — не доктрина, а движение; он исходит не из принципов, а из фактов»*, — говорил Фридрих Энгельс²¹. Глобальные различия в степени эксплуатации, перемещение производства туда, где этот показатель выше всего, и огромный рост числа промышленных рабочих на Юге — вот те новые реалии, из которых мы должны исходить. Эти определяющие черты неолиберальной эпохи являются ключом к пониманию природы и динамики глобальных кризисов. Вместо того, чтобы отрицать реальность сверхэксплуатации в XXI веке (и покоящегося на ней империалистического порядка), опираясь на замечания Маркса по поводу производства, сделанные в XIX веке, мы должны пересмотреть его теорию в свете новых реалий, использовать и критически развивать её, чтобы понять новейший этап империалистического развития капитализма.

ЛЕНИН И ИМПЕРИАЛИЗМ

Систематическое неравенство между пролетариями, вытекающее из систематического неравенства между народами, было центральной темой трудов Ленина, который утверждал, что *«разделение наций на угнетающие и*

угнетённые, которое составляет суть империализма»²². Его работа «Империализм как высшая стадия капитализма», написанная в разгар Первой мировой войны, была руководством к действию, попыткой раскрыть причины капитуляции массовых социалистических партий накануне войны, показать, что сама война не была отклонением или случайностью, и что она доказала объективную необходимость мировой социальной революции и перехода к коммунистическому способу производства. Ленин выделил те существенные характеристики империалистической стадии капитализма, которые были очевидны ещё при её зарождении, в частности, концентрацию богатства и рост финансового капитала, угнетение и ограбление менее развитых народов и безудержный милитаризм. Он не мог включить в свою теорию концепцию создания стоимости в глобализированном процессе производства, потому что тот возник только на более поздней стадии капиталистического развития. Результатом является противоречие, сохраняющееся и по сей день, между ленинской теорией империализма и марксовской теорией стоимости. Преодоление этого противоречия — важная задача, однако здесь у нас есть место только для краткой заметки о том, что Ленин рассматривал как две определяющие черты империалистической стадии капитализма: *монополии и вывоз капитала*.

Марксисты в империалистических странах часто игнорировали утверждение Ленина о важности разделения мира на угнетённые и угнетающие нации. Вместо этого они обратились к его идеям о межимпериалистическом соперничестве и о том, что *«по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм»²³*. Термин «монополия» используется довольно беспорядочно как в буржуазной, так и в марксистской литературе для описания явлений, относящихся к производству, распределению, культуре

торговой марки, финансам, концентрации капитала, политической и военной мощи и многим другим областям. В большинстве случаев речь идёт о распределении, а не создании стоимости. Теория же империалистической стоимости должна опираться на это разграничение, а также признавать, что источником прибыли является не монополия, какую бы огромную роль монополии ни играли в создании условий для прибыли, а сверхэксплуатация, которая возвращает нас к угнетению народов.

В «Империализме» Ленин утверждал, что *«вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма ... налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний»*²⁴. Это отчётливо перекликается с современным глобальным капитализмом, когда империалистические транснациональные корпорации делятся добычей с бесчисленными поставщиками услуг, со своими сотрудниками и с государством, которое получает наиболее значительную часть. Однако есть очевидная проблема в применении проницательной мысли Ленина к современному империализму. Такие компании, как «Apple» и «H&M», не экспортируют капитал в Бангладеш и Китай — их «Айфоны» и одежда производятся там по принципу «нестолкновения интересов»²⁵.

Загадка может быть решена путём сосредоточения на сущности дела, а не на его форме (в данном случае на вывозе капитала). Империалисты, утверждал Ленин, вынуждены экспортировать часть своего капитала, чтобы эксплуатировать труд рабочих за границей, так как накопленные богатства достигли таких размеров, что громадная масса прибавочной стоимости требует превращения богатства в капитал, то есть богатство самовозрастающее,

значительно превышающее то, что можно извлечь из рабочей силы на внутреннем рынке. Энди Хиггинботтом показывает тесную связь экспорта капитала с угнетением наций:

«Экспорт капитала предполагает новый тип общественных отношений, отношений между северным капиталом и южным трудом, он предполагает экспорт отношений труда и капитала на условиях национального гнёта»²⁶.

Новым является то, что эволюция капитализма, особенно с 1980 года, обеспечила транснациональным корпорациям способы присвоения прибавочной стоимости, извлекаемой из работников в странах с дешёвой рабочей силой, без необходимости «экспортировать» капитал в эти страны.

В заключение этого слишком краткого обсуждения вклада Ленина в теорию империализма отметим, что важнейшей задачей является выработка концепции, объединяющей «экономическую сущность» (монополистический капитализм) и политическую сущность (разделение мира на угнетённые и угнетающие страны). Обе они должны быть выражены в рамках марксовой теорией стоимости, развитой в «Капитале». Это путь к достижению того, что Хиггинботтом назвал новым синтезом марксовой теории стоимости и ленинской теории империализма. Потому мы должны вернуться ещё на полстолетия назад, чтобы обратиться к главному труду Маркса.

«КАПИТАЛ» МАРКСА И ТЕОРИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

Марксистские критики теории зависимости были названы «ортодоксальными», потому что они отрицали факт сверхэксплуатации и «неэквивалентного

обмена», используя цитаты из «Капитала», которые при поверхностном прочтении, по-видимому, подтверждают их точку зрения. Маркс посвящает короткую главу «национальным различиям в заработной плате». В ней он приходит к выводу, что, хотя английские рабочие получают более высокую заработную плату, чем рабочие в Германии или России, степень их эксплуатации тоже может быть выше:

«...часто оказывается, что дневная, недельная и т. д. заработная плата у первой нации выше, чем у второй, тогда как относительная цена труда, т. е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью и стоимостью продукта, у второй нации выше, чем у первой»²⁷.

Именно этот аргумент используют Уикс, Дор, Чунара и другие, но есть три причины, по которым он неприменим к современным отношениям Север-Юг.

Во-первых, упомянутые Марксом страны (Англия, Германия и Россия) являлись соперницами-эксплуататорами, занятыми постороением колониальных империй. Формально свободные народы сегодняшнего глобального Юга не могут рассматриваться просто как «менее развитые» капиталистические страны, аналогичные Германии и России в XIX веке. Во-вторых, торговля между империалистическими и «развивающимися» странами конца XX века качественно отличается от торговли между Англией, Германией и Россией в конце XIX века. В то время рабочий потреблял отечественные товары, а капиталист использовал внутренний рынок рабочей силы — это был период, предшествовавший созданию стоимости через цепочку субконтрактов и сторонних производств. В-третьих, пример Маркса предполагал, что

капиталисты в таких странах, как Германия и Англия, конкурировали в производстве одних и тех же товаров, однако, как отмечалось выше, подобное неприменимо к нынешней торговле между Севером и Югом. Последнее будет более подробно рассмотрено дальше.

В «Капитале» перед Марксом стояла цель осмыслить капиталистическую форму отношений стоимости, чтобы выяснить происхождение и природу прибавочной стоимости, тогда как наша задача — теоретически осмыслить её нынешнюю, империалистическую стадию развития. Насколько высок уровень абстракции у Маркса в этой работе, видно из его фразы:

«...если выравнивание заработной платы и продолжительности рабочего дня, а следовательно и нормы прибавочной стоимости в различных сферах производства и даже между различными капиталистическими предприятиями в одной и той же сфере производства, задерживается многочисленными обстоятельствами местного значения, то с прогрессом капиталистического производства и по мере подчинения этому способу производства всех экономических отношений это выравнивание осуществляется всё более и более полно»²⁸.

Маркс относился к различиям в заработной плате как к временным или случайным факторам, которые будут уничтожены постоянно взаимодействующими трудом и капиталом, и которые могут быть благополучно исключены из анализа:

«Как ни важно изучение подобного рода осложняющих моментов [„обстоятельств местного значения“, препятствующих выравниванию

заработной платы — Дж. С.] для каждой специальной работы о заработной плате, в общем исследовании капиталистического производства ими можно пренебречь как случайными и несущественными»²⁹ .

Такой уровень абстракции явно не подходит для нашей задачи; в сегодняшнем разделённом мире предпосылки всеобщего равенства рабочих, допущенные Марксом, просто истреблены, и здесь не обойдётся ссылкой на «обстоятельства местного значения».

«ТРЕТИЙ СПОСОБ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ» *

**Повторное открытие этой третьей формы прибавочной стоимости является крупным прорывом, и это было сделано: Higginbottom A. The Third Form of Surplus Value Increase, paper at the Historical Materialism conference, London, November 27–29, 2009.*

В первом томе «Капитала» Маркс глубоко проанализировал два способа, с помощью которых капиталисты стремятся увеличить степень эксплуатации. Первый состоит в увеличении продолжительности рабочего дня, и тем самым увеличивается «абсолютная прибавочная стоимость». Второй заключается в сокращении необходимого рабочего времени за счёт роста производительности работников, и тем самым увеличивается «относительная прибавочная стоимость». Однако в нескольких местах Маркс упоминает и третий способ: прибавочное рабочее время также может быть увеличено «путём понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы». Но он тут же добавляет:

«Хотя этот метод играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключён, так как по нашему предположению все товары, — а, следовательно, и рабочая сила, — продаются и покупаются по их полной стоимости»³⁰ .

«Понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы» снова упоминается двумя главами позже, в ходе обсуждения последствий для рабочих того, что «машина постепенно овладевает известной сферой производства». В результате «часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, переполняет рынок труда и понижает поэтому цену рабочей силы ниже её стоимости»³¹ . Современная значимость сказанного едва ли требует констатации. Огромная часть рабочего класса на глобальном Юге стала «излишним населением» из-за того, что современные методы производства не способны поглощать достаточное для предотвращения безработицы количество рабочей силы. Уже одно это, даже если не брать во внимание гораздо более жёсткие условия труда, создаёт мощную тенденцию, делающую «цену рабочей силы ниже её стоимости».

В третьем томе «Капитала», обсуждая «противодействующие причины», препятствующие снижению нормы прибыли, Маркс ещё раз кратко упоминает этот третий способ увеличения прибавочной стоимости. Одна из противодействующих причин — *«понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы»*. Она описана всего лишь в двух коротких предложениях:

«Мы здесь только эмпирически указываем на это обстоятельство, так как в действительности оно, как и многое другое, что здесь можно было бы

привести, относится не к общему анализу капитала, а к исследованию конкуренции, которое не входит в задачу настоящей работы. Однако оно является одной из значительнейших причин, которые задерживают тенденцию нормы прибыли к понижению»³² .

Мало того, что Маркс оставил в стороне снижение заработной платы ниже её стоимости, он сделал абстракцию ещё отвлечённее. Пусть она необходима для «общего анализа капитала», но её следует конкретизировать, если мы хотим проанализировать нынешнюю стадию развития капитализма:

«Различия норм прибавочной стоимости в различных странах, т. е. национальные различия в степени эксплуатации труда, для настоящего исследования не имеют значения»³³ .

Но именно это должно стать отправной точкой для теории современного империализма. Глобализация производства, основанная на глобальном регулировании труда, не согласуется с абсолютной прибавочной стоимостью. Продолжительный рабочий день свойственен странам с низкой заработной платой, но продолжительность рабочего дня не является главной привлекательностью периферийных фирм. Нет здесь соответствия и с относительной прибавочной стоимостью. Необходимый труд в основном не сокращается за счёт применения новых технологий. Да и вообще перенос производства часто рассматривается именно как альтернатива инвестициям в новые технологии. Всё это даёт нам повод говорить о сверхэксплуатации. Как утверждает Хиггинботтом, «Сверхэксплуатация — это скрытая суть империализма ... Картина такова не потому, что южный рабочий класс создает

меньшую стоимость, а потому что он более угнетён и подвержен более жестокой эксплуатации»³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ тенденций неолиберальной глобализации показывает, что глобальное регулирование труда является её основным движущим фактором. Оно стало возможным благодаря высокому уровню эксплуатации в странах с дешёвой рабочей силой. Главный вывод из нашего обзора «Капитала» Маркса состоит в том, что это соответствует третьему способу повышения прибавочной стоимости, значение которого было подчёркнуто Марксом, но который он исключил из своей общей теории. Вот единственно возможный прочный фундамент для возрождения марксизма в мировом масштабе. Этот центральный вывод также позволяет нам увидеть роль неолиберализма в истории.

В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» Маркс заявляет:

«До тех пор, пока капитал слаб, он ещё пытается опираться на костыли прошлых, или с его приходом отмерших производственных отношений. Но лишь почуввав себя сильным, он отбрасывает костыли и идёт дальше своим собственным ходом. Когда же капитал начнёт осознавать себя как препятствие к дальнейшему развитию, и безусловно быть таковым реально, то он воплотится в формы, которые, посредством свободной конкуренции, должны были бы привести его к окончательному владычеству, являясь в то же время провозвестниками его исчезновения, равно как и исчезновения на нём основывающегося способа производства»³⁵.

Это поразительно напоминает довод Ленина о том, что *«капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определённой, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»*³⁶.

Возникновение капитализма зависело от самых варварских форм «первоначального накопления», таких как перевозка миллионов африканских рабов, колониальный грабёж и торговля опиумом. Когда капитализм достиг своей зрелой стадии и приобрёл полный контроль над процессами производства, процветала конкуренция и внутренние законы капитала функционировали наиболее полно. Наконец, в эпоху своего упадка капитализм всё больше полагается на формы, отличные от свободной конкуренции — монополии, широкое вмешательство государства во все аспекты экономической жизни, «накопление за счёт разорения», империализм. Всё это делается ради выживания, но ценой искажения собственных же законов и создания новых барьеров против расширения производительных сил.

Как же хронология развития капитализма связана с тремя способами увеличения прибавочной стоимости, обсуждёнными в этой статье? При раннем капитализме преобладающим было увеличение абсолютной прибавочной стоимости — продление рабочего дня до физических пределов. После того, как капитал взял на себя контроль над процессами производства, преобладающей формой стала относительная прибавочная стоимость — совершенствование технологии ради уменьшения времени, необходимого для производства

потребительских товаров, — хотя во все времена получение прибавочной стоимости зависело от живучести более жестоких и архаичных форм принуждения, особенно в эксплуатируемых странах. В неолиберальную эпоху всё более преобладающей формой отношений между капиталом и трудом является глобальное регулирование трудовых ресурсов, т. е. способ присвоения, посредством которого капитализм может при помощи национального гнёта снижать стоимость рабочей силы в «развивающихся странах». Здесь обнаруживается третья форма увеличения прибавочной стоимости, которая в настоящее время всё более и более определяет отношения между капиталом и трудом. Пролетарии полуколониальных стран являются её первыми жертвами, но широкие массы трудящихся в империалистических странах также сталкиваются с нищетой. Усиление сверхэксплуатации детского и женского труда в странах с дешёвой рабочей силой спасло капитализм от той ямы, в которой он оказался в 1970-х годах. Теперь, вместе с рабочими в империалистических странах, задача пролетариев глобального Юга — выкопать ещё одну яму — могилу, в которой можно похоронить капитализм, и тем самым обеспечить будущее человеческой цивилизации.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. В этой статье словом «сверхэксплуатация» обозначается уровень эксплуатации, превышающий средние мировые показатели. Он, как здесь показано, преобладает в странах с дешёвой рабочей силой. ↩
2. UNCTAD. [World Investment Report 2013](#). Switzerland: United Nations, 2013. ↩
3. Данные по Европе представляют собой цифры ввоза продукции в страны ЕС за вычетом внутреннего союзного импорта. Отсчёт начинается с 1995 года, так как только после четвёртого расширения ЕС появились постоянные цифры. ↩
4. [UNCTAD Statistical Handbook](#). Данные за 1955–1995 годы взяты из UNCTAD, Handbook of Statistics — Archive: Network of Exports by Region and Commodity Group—Historical Series. Дата обращения: 18 июля 2009 года. Больше недоступны онлайн (принадлежат автору выкладки). ↩
5. [OECD](#). Trade in Value Added. ↩
6. Ari Van Assche, Chang Hong, Veerle Sloommaekers. [China's International Competitiveness: Reassessing the Evidence](#). LICOS Discussion Paper Series, Discussion Paper 205/2008, 15. ↩
7. [The great unbundling](#) // Economist, January 18, 2007. ↩
8. См.: Ricardo Hausmann, César Hidalgo, et al. [The Atlas of Economic Complexity](#), 2011. ↩
9. Данные за период с 1995 по 2008 гг. взяты из: [LABORSTA](#) и [Key Indicators of the Labour Market \(KILM\)](#). В первом источнике содержатся сведения об экономически активном населении в целом, отраслевые коэффициенты второго позволяют рассчитать число занятых в промышленности; данные за 2010 г. получены путем экстраполяции. Данные за 1950–1990 гг.: ILO, Population and Economically Active Population; дата обращения: 2004 г.; больше недоступны онлайн

(принадлежат автору выкладки). Категории «слаборазвитый» и «высокоразвитый» в отношении регионов мира приблизительно соответствуют нынешним понятиям «развивающийся» и «развитый». ←

10. Michael Clemens, Claudio Montenegro, Lant Pritchett. *The Place Premium: Wage Differences for Identical Workers across the US Border*. Policy Research Working Paper 4671. New York: World Bank, 2008, 33. ←
11. International Monetary Fund. *World Economic Outlook, April 2007*. Washington, DC: IMF, 2007. ←
12. Stephen Roach. *More Jobs, Worse Work* // New York Times, July 22, 2004. ←
13. Stephen Roach. *Outsourcing, Protectionism, and the Global Labor Arbitrage* // Morgan Stanley Special Economic Study, 2003. ←
14. Там же; выделение моё. ←
15. Смит Д. *Иллюзия ВВП* // LC. 2017. ←
16. John Weeks, Elizabeth Dore. International Exchange and the Causes of Backwardness // *Latin American Perspectives* 6, no. 2, 1979. ←
17. Charles Bettelheim. Some Theoretical Comments. Приложение к: Arghiri Emmanuelю *Unequal Exchange: A Study in the Imperialism of Trade* London: NLB, 1972, 302. ←
18. Nigel Harris. Theories of Unequal Exchange // *International Socialism*, no. 33, 1986. ←
19. Gary Howe, Dependency Theory, Imperialism, and the Production of Surplus Value on a World Scale // *Latin American Perspectives* 8, nos. 3/4, 1981. ←
20. Alex Callinicos. *Imperialism and Global Political Economy*. Cambridge: Polity Press, 2009, 179–80; Joseph Choonara. *Unravelling Capitalism*. London: Bookmarks Publications, 2009, 34. ←
21. Энгельс Ф. «Коммунисты и Карл Гейнцен. Статья вторая». ←
22. Ленин В. И. «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение». ←

23. Ленин В. И. «Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк». ↵
24. Там же. ↵
25. Экспорт капитала осуществляется в трёх формах: ПИИ, портфельные инвестиции (акции и финансовое обеспечение, которые, в отличие от ПИИ, не предоставляют инвестору ключевого влияния и заемный капитал). ↵
26. Andy Higginbottom. The System of Accumulation in South Africa: Theories of Imperialism and Capital // Économies et Sociétés 45, no. 2, 2011. ↵
27. Маркс К. Капитал (Том I) / Сочинения. М., 1960. Т. 23. ↵
28. Маркс К. Капитал (Том III, часть 1) / Сочинения. М., 1961. Т. 25. Ч. 1. ↵
29. Там же. ↵
30. Маркс К. Капитал (Том I) / Сочинения. М., 1960. Т. 23. ↵
31. Там же. ↵
32. Маркс К. Капитал (Том III, часть 1) / Сочинения. М., 1961. Т. 25. Ч. 1. ↵
33. Там же. ↵
34. Higginbottom. The System of Accumulation in South Africa. 284. ↵
35. Karl Marx, Grundrisse (London: Penguin, 1973), 651. Я благодарен Уолтеру Дому за то, что он обратил мое внимание на актуальность этих слов. ↵
36. Ленин В. И. «Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк». ↵